

УДК 811.512.123

DOI: 10.21779/2542-0313-2024-39-1-60-65

Н.Э. Гаджиахмедов¹, З.М. Сагиндикова¹, С.А. Кукаева²

Простые отглагольные личные имена в ногайском языке

¹ Дагестанский государственный университет, Россия, Республика Дагстан, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; nur1@yandex.ru;

² Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР; Россия, 369000, г. Черкесск, ул. Горького, 1а; kukaeva5@mail.ru

Аннотация. Личные имена людей являются носителями важной фоновой культурной и исторической информации, которую необходимо выявить для того, чтобы глубже изучить культуру и ментальность народов, определить новые современные тенденции в развитии антропонимических систем. В ногайском антропонимиконе представлена компактная группа глагольных личных имен в разных словоизменительных формах. Глагольное слово в составе антропонима обязательно выступает в какой-либо грамматической форме. В индикативе представлены формы препрошедшего (категорического и перфективного) и будущего (неопределенного) времени. Ряд имен имеет императивные формы, содержащие в своей семантической сущности обращение к божественным силам. Среди отглагольных простых личных имен преобладают императивные личные имена. Простых антропонимов, выступающих в виде чистой глагольной основы, в системе ногайских личных имен нет. Как показывают примеры, большинство отглагольных имен являются мужскими именами.

Ключевые слова: личное имя, антропоним, дезидератив, отглагольные имена, ногайский язык, культурная значимость имени.

Постановка проблемы

Личные имена людей, представляя собой древнейшие знаковые единицы каждого естественного языка, являются одной из самых интересных лингвистических универсалий, без которых не может обойтись ни одна культура и ни один язык. Они отображают диалектику взаимодействия интралингвистических и экстралингвистических факторов, исследование которых позволяет проникнуть в систему ценностей различных лингвокультурных сообществ. Простые формы отглагольных личных имен в ногайском языке, являясь носителями фоновых знаний о языке и культуре ногайцев, дают не только лингвистическую, но и культурно-историческую информацию, что обуславливает повышенный интерес к ним ученых с точки зрения антропоцентрической лингвистики.

Статья посвящена исследованию структурно-семантической организации простых глагольных личных имен ногайцев с точки зрения их структурно-семантической организации и этнокультурных особенностей.

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к лингвистическим и культурологическим особенностям антропонимов и определяется необходимостью более глубокого системного, лингвокультурологического исследования пласта личных имен в антропонимической системе ногайского языка.

Целью исследования является комплексное описание формальных и семантических особенностей глагольных личных имен ногайцев в лингвокультурологическом аспекте.

Задачи исследования: а) систематизировать и классифицировать корпус глагольных личных имен по лексико-семантическим группам; б) выявить их структурно-семантические и этнокультурные особенности.

Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые выявлен корпус простых глагольных личных имен ногайцев, дана структурно-семантическая характеристика этому разряду личных имен, выявлены этнонациональные особенности культурно маркированных ногайских антропонимов.

Материал и методы исследования

Ногайский антропонимикон представлен разветвленной системой личных имен, образованных на основе глагольных лексем. В изучении ногайских личных имен особое место занимают исследования М.А. Булгаровой [1]. С целью изучения отглагольных личных имен ногайцев из книги М.А. Булгаровой «Ногай байыр атлары», а также из списков избирателей Тарумовского района Республики Дагестан нами были отобраны только простые личные имена, образованные от глагольной основы. Всего нами было обнаружено 38 одноосновных глагольных имен.

Для решения поставленных задач использованы следующие методы: метод структурно-семантического анализа, интерпретационный метод и метод лингвокультурологического анализа.

Результаты исследования

Антропонимия как составная часть лексической системы языка обусловлена культурой этноса, особенностями национального характера. В семантике имен отражается степень, в которой принято проявлять чувства в человеческих отношениях. К эмоциональным дезидеративам относятся личные имена, образованные от глаголов чувства. Эти имена в ногайском языке обычно имеют форму 1-го лица множественного числа прошедшего категорического времени изъявительного наклонения: *Суюндик* (от суй- «люби, радуйся» + афф. -ун «радуйся» + афф. -ди + афф. -к) «мы обрадовались (рождению сына)», *Сагындык* (сагын- «скучай» + афф. -ды + афф. -к) «мы тосковали, соскучились (о долгожданном ребенке)», *Кувандык* (куван- «радуйся» + афф. -ды + афф. -к) «мы обрадовались (рождению ребенка)».

Во все времена рождение ребенка в ногайской культуре воспринималось как радостное, торжественное событие для семьи. Эта радость отразилась не только в индикативных формах глагола, но и в повелительной форме: *куван* «радуйся», *суюн* «радуйся». Как видим из семантической сущности приведенных выше примеров, «несмотря на субъективный характер происхождения эмоциональных свойств языка», они связаны не с носителем личного имени, а «относятся к его родственникам, вследствие чего представляют собой объективные особенности языковых значений» [8, с. 14].

У ногайцев существовали приметы и связанные с ними системы запретов, рекомендаций и оберегов, направленных на защиту ребенка и роженицы, а в некоторых случаях и других членов общины от негативного воздействия потусторонних сил и людского сглаза. Женское личное имя *Болды*, образованное от глагола *болды* «хватит, достаточно», в форме прошедшего категорического времени отражает веру ногайцев в магическую силу слова, и данное имя содержит скрытую семему «достаточно девочек», связанную с желанием родителей иметь сына.

Личное имя *Тойдык* восходит к глаголу в форме 1-го лица множественного числа прошедшего категорического времени *тойдык* «(мы) наелись, (мы) сыты». Это имя давали последнему ребенку в многодетных семьях, когда рождались одни девочки или

когда принималось решение прекратить рожать детей. Значение имени – «сыты по горло девочками, хватит рождаться».

Общей семантической особенностью всех глагольных личных имен является то, что они выражают пожелание. Так, в старину иногда в одной семье один за другим умирали новорожденные. В этом случае родители давали своим детям глагольные имена-пожелания. В этих именах зафиксировано многообразие семантических моделей, «программирующих» положительные качества и благоприятные обстоятельства жизни новорожденного. Эти имена представляют собой дезидеративы, которые отражают положительный душевный настрой родственников: *Турсын* «пусть живет», *Яшар* «будет жить», *Оълмес* «не умрет», *Калсын* «пусть живет», *Таймас* «(он) не уйдет, не умрет» и т. п. Наиболее четкое представление о дезидеративе дают именно эти древние охранительные и пожелательные антропонимы ногайцев. Модальность ирреальности «пусть станет таким-то», соответствует номинативному смещению на воображаемое, пожелательное [5, с. 308].

Ядром данного антропосемантического поля являются общетюркские личные имена, имеющие форму третьего лица единственного числа повелительного наклонения и выражающие этнокультурную семантику «пусть останется, пусть живет»: *Турсын* «пусть он живет», *Калсын* «пусть он останется».

Периферию составляет ряд антропонимических единиц, передающих частные императивные значения, совмещающие повеление с пожеланием, требованием, приказом. Большинство глагольных имен будущего времени имеют отрицательную форму, в которой значение императива звучит более категорично. В корпусе глагольных имен будущего времени обнаружены две формы лица:

а) форма 3-го лица единственного числа (*Оълмес* «не умрет», *Таймас* «не уйдет из жизни (не умрет)»);

б) форма 1-го лица единственного числа (*Тайман* «не уйду из жизни (не умру)»).

На периферии данного антропосемантического поля находятся формы будущего неопределенного времени изъявительного наклонения, образованные при помощи аффикса *-ар* (*Токтар* «остановится», *Яшар* «будет жить») с этнокультурной семантикой «проживет (будет жить)». В переносном смысле эти имена содержат пожелание ребенку «не умереть, жить, оставаться в этом мире». В словарях отмечают и отрицательную основу имени *Токтар*. Это имя *Токтамас* со значением « тот, кого не остановить». Еще одна форма глагольного личного имени, имеющая форму прошедшего перфективного времени – это *Токтамыс* (от *Токтамыш*). По древнему обычаю, имя со словом *төктүтә/төхтә* давалось ребенку в той семье, где дети постоянно умирали, или, наоборот, давали последнему ребенку в семье [2, с. 276]. Наибольшее распространение имеет среди казахов, башкир, алтайцев.

Нередко встречаются имена, в которых глагол имеет форму третьего лица единственного числа повелительного наклонения: *Турсын* и *Къалсын* с этнокультурной семантикой «пусть останется, пусть живёт, дай Бог жизни» (пожелание ребенку).

Не каждое простое отглагольное «имя может участвовать в образовании сложных имен. Так, отглагольные личные имена, имеющие форму имени действия (*Кайтув* «возвращение», *Язув* «предписание»), вообще не участвуют в структуре сложных личных имен.

Таким образом, среди имен-оберегов у ногайцев выделяется группа так называемых «останавливающих» имен, мотивированных словами со значением «оставлять, останавливать», общий смысл которых сводится к значению «оставить в живых, задержать».

Форма причастия прошедшего перфективного времени на *-ган* встречается только в фамилии *Турганов*, имеющей простую структуру. Глагольная основа *тур-* выражает значение «стоять, вставать», а имя *Турган* в форме прошедшего перфективного времени означает «живущий».

Антропонимы, имеющие императивную форму, используются в разных лицах. Чаще всего используется глагольный компонент в форме второго лица единственного числа: *Суюн* (*суюн* «радуйся»).

Простое производное личное имя *Имсындык*, образованное от глагола 1-го лица множественного числа прошедшего категорического времени, также является дезидеративом, выражающим значение «(мы) обнадежились».

Основа *кел* «прийти, явиться» в форме прошедшего категорического времени использована в личном имени *Келди* «пришел; родился». По данным В.В. Трепавлова, ногайцы использовали уменьшительно-ласкательную форму этого имени *Келдий* [8, с. 217]. Данная форма прошедшего времени часто используется в качестве одного из компонентов сложносоставных личных имен: *Келдихан* «родился хан», *Оразгелди* «родился счастливым» и др.

Мы встретили только одно сложное имя с глагольной основой *толе-* «расплатиться, платить» в прошедшем перфективном времени, – это имя *Толеген*. Данное имя давали ребенку, родившемуся после смерти брата. В огузских тюркских языках распространена форма прошедшего перфективного времени с показателем *-мыши/-мыс/-мис*. Данная форма зафиксирована в двух ногайских именах – *Токтамыс* «остановился» и *Толемис* «оплатил».

Глагол *токта-* имеет значение «задерживаться, останавливаться, прекращаться», а в личных именах выражает значение «жить, выживать, не умирать в раннем возрасте»:

Среди личных имен ногайцев встречается и аффикс глагольного отрицания *-мас/-мес*. Он встречается в именах-пожеланиях в форме причастия будущего времени: *Олмес//Ульмес* «тот, кто не умрет» от *ул-* «умирать» + *-ме-* + *-с* «не умрет», *Таймас* от *тай-* «уйди» + *-ма-* + *-с* «не уйдет; не умрет».

В корпусе ногайских личных имен мы обнаружили несколько реципроальных форм личных имен. *Токтас* (от глагола *токтасмак*) «остановись, живи, не умирай».

Аффикс отглагольного существительного на *-ш* со значением процесса или результата действия представлен в именах *Толеш* от *тол-* «наполняться», значение имени – «полнота, достаток», *Тугуш* «рождение» от глагольной основы *туг-* «родиться», *Отеш* «осуществление» (мальчик, родившийся после того, как о нем просили, молили Бога) от *оте-* «исполнить, осуществлять» + аффикс *-ш*, *Токташ* от *токта-* «остановиться» + аффикс *-ш* «живи, не умирай».

Итак, значение ногайской глагольной антропонимической единицы содержит ассоциативно-фоновое дезидеративное знание, характеризующее одну из сфер антропонимической деятельности древнего ногайца. Сами антропонимы рассматриваемой структурно-семантической группы «функционируют благодаря национально-культурному фону, а их культурные атрибуты отражены в сложных отношениях между социальными отношениями, национальными традициями и культурным сознанием» [9, с. 12]. «Особый интерес вызывают внеязыковые ассоциации имен, связанные общественными факторами. Они неразделимо сопряжены с культурными, национальными и историческими отличительными особенностями» [10, с. 172].

Заключение

Таким образом, исследованный нами материал подтверждает специфику тюркской антропонимической системы, наличие в ней компактной группы глагольных антропонимических форм: личных форм прошедшего категорического, прошедшего перфективного, будущего неопределенного времени индикатива и императивных форм, содержащих в своей семантической сущности обращение к божественным силам. «Такие глагольные формы в составе антропонимов воспринимаются в качестве цельных, неразложимых единиц и получают грамматические приметы имени» [3, с. 158].

Формальный анализ глагольных личных имен ногайского языка позволил получить следующую интересную с лингвистической точки зрения информацию: большая часть глагольных имен-дезидеративов представляют собой формы глаголов повелительного и изъявительного наклонений. Среди них преобладают императивные личные имена.

Антропонимов, выступающих в виде чистой глагольной основы, в системе ногайских личных имен нет. Глагольное слово в составе антропонима обязательно выступает в какой-либо грамматической форме.

Помимо таких общечеловеческих ценностей, как здоровье, возложение надежд на новорожденного, во внутренней форме ногайские имена отражают также ценности традиционной культуры. Ногайцы верили в возможность через личное имя повлиять на судьбу и саму жизнь имяносителя. Отсюда и существование таких оригинальных имен-оберегов и дезидеративов.

Перспективы исследования особенностей имянаречений разных народов связаны с сравнительно-сопоставительным изучением личных имен в разных этнокультурах, что позволит выявить сходства и различия не только между национальными концептосферами. Языковые знаки, входящие в состав антропосемантических полей, «дополняются ментальными образами, представляющими структурированные знания людей, их информационную базу» [6, с. 68].

Литература

1. Булгарова М.А. Ногай байыр атлары. – Черкесск, 2016. – 254 с.
2. Гаджиахмедов Н.Э. Кумыкско-русский словарь личных имен. Более 5 000 имен. – Махачкала: Алеф, 2018. – 331 с.
3. Гаджиахмедов Н.Э. Личные имена кумыков: традиции имянаречения, происхождение, семантика и грамматика. – Махачкала, 2008. – 181 с.
4. Гаджиахмедов Н.Э., Гусейнов Г.-Р.А.-К. Кумыкские личные имена: происхождение и значение. Введение в кумыкскую антропонимику. Словарь. – Махачкала, 2004. – 170 с.
5. Голомидова М.В. Архетипы онимической номинации: индикатив, дедикатив, дезидератив // В созвездии слов и имен. – Екатеринбург, 2017. – 592 с.
6. Кадашиева Х.М., Абдулгадырова А.Б. Системные и структурные характеристики концептосферы // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 34, вып. 3. – С. 65–70.
7. Трапавлов В.В. История Ногайской Орды. – 2-е изд., испр. и доп. – Казань, 2016. – 764 с.
8. Фрост С.Г. Лингвокультурологический аспект исследования коннотаций (на примере коннотаций существительных тематической группы «семья»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2006. – 19 с.

9. Чжсан Х. Культурная маркированность русских и китайских антропонимов: сопоставительный анализ (на материале словарных источников): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2023. – 21 с.

10. Чыонг Т. Антропонимы как отражение взаимодействия языка и культурно-исторического контекста в жизни общества (на примере английских, вьетнамских, русских и казахских имен) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. 2019. № 9 (75): в 2 ч. Ч. 2. – С. 171–175.

*Поступила в редакцию 7 ноября 2023 г.
Принята 12 декабря 2023 г.*

UDC 811.512.123

DOI: 10.21779/2542-0313-2024-39-1-60-65

Simple Verbal Personal Names in the Nogai Language

N.E. Gadzhiakhmedov¹, Z.M. Sagindikova¹, S.A. Kukaeva²

¹ Dagestan State University; Russia, Republic of Dagestan, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a; nur1@yandex.ru;

² Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Research under the Government of the Karachay-Cherkess Republic; Russia, 369000, Cherkessk, Gorky, st. 1a; kukaeva5@mail.ru

Abstract. Personal names are carriers of important background cultural and historical information, which must be identified in order to deeply penetrate and study the culture and mentality of peoples, to determine new modern trends in the development of anthroponymic systems. The Nogai anthroponymicon presents a compact group of verbal personal names in different inflectional forms. The verbal in the anthroponym necessarily appears in some grammatical form. The indicative contains forms of the past (categorical and perfect) and future (indefinite) tenses. A number of names have imperative forms, containing in their semantics an appeal to divine powers. Among verbal simple personal names, imperative personal names predominate. There are no simple anthroponyms in the form of a pure verbal stem in the system of Nogai personal names. As the examples show, most verbal names are masculine names.

Keywords: personal name, anthroponym, desiderative, verbal names, Nogai language, cultural significance of the name.

*Received 7 November, 2023
Accepted 12 December, 2023*